

и обеспечению устойчивости экономик обеих стран к кризисным вызовам мировой экономической системы.

Список литературы: 1. Єрохін С. А. Структурна трансформація національної економіки: Теоретично-методологічний аспект. – К.: Світ Знань, 2008. – 320 с. 2. Курс рубля. Российская валюта отвоевывает в Украине когда-то утраченные позиции. – Корреспондент. Новости экономики. 15 ноября 2011. – <http://korrespondent.net/business/economics/1282963>. 3. Гринів Л. С., Кічурчак М. В. Національна економіка. Навч. посібник. – Львів: Магнолія 2006, 2009. – 464 с. 4. Шамхалов Ф. Г. Государство и экономика. Основы взаимодействия. – М.: Экономика, 2008.

*Воробьев Е. М., Барвенко Е. Ю.
г. Харьков, Украина*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Страны постсоветского пространства отметили двадцатилетие независимости. Для большинства из них – формальное, ибо они остаются и спустя двадцатилетие в реальной зависимости от зарубежных капиталов, кредитов МВФ, энергетических ресурсов. Но в любом случае, добилась та или иная страна реальной независимости, являясь субъектом международных экономических отношений, или остаётся их объектом, она неизбежно должна определить свой геополитический курс, иметь возможность противостоять глобальным вызовам и рискам. В современном мире и внутренние и международные аспекты деятельности той или иной страны не могут не рассматриваться сквозь призму геополитики. Особенно для постсоветских стран, прежде всего тех из них, кто никогда не имел собственной государственности и делает только первые шаги этого строительства.

Итак, что означает термин геополитика, и почему эта категория имеет столь глобальный характер и оказывает влияние на стратегический выбор современных стран? Геополитика – это политико-экономическая концепция, в соответствии с которой одна страна или группа стран, используя физические, экономические, политические, военные и дипломатические возможности осуществляет в отношении другой страны или группы стран военную, экономическую или гуманитарную экспансию. Примеры, подтверждающие правомерность такой трактовки – сегодняшние события в мировой геополитике. Оккупация странами Запада во главе с США Ирака, бомбардировка странами НАТО Сербии и отторжение ее территории с целью создания страны-сателита. Наконец, многодневные налеты натовской авиации в Ливии в нарушение резолюции ООН. Что касается гуманитарной экспансии, то она менее заметна в отличие от бомбардировок, хотя осуществляется с большей последовательностью и систематичностью.

Таким образом, именно геополитическая методология объясняет многие процессы, происходящие в современном мире. С ее помощью можно лучше понять те противоречия, которые возникают между странами в международной экономике и политике, дать правильную оценку действиям тех или иных стран в условиях глобализованного общества. Экспансия глобальных игроков на мировой арене принимает различные формы. В самой незначительной степени она связана с территориальными захватами в результате вооруженного нападения, ведения боевых действий за пределами своих стран без санкций ООН. Используются менее радикальные, но более эффективные методы в отношении в первую

очередь несостоявшихся в полной мере государств, электорат, а проще говоря, население которых даже не подозревает, что в отношении их страны осуществляется эта экспансия. Достаточно вспомнить так называемые «цветные революции» – оранжевые, тюльпановые, революции роз и т.п., которые, имея под собой некоторую объективную основу, тщательно, ни один год скрупулезно готовятся политически, материально, идеологически, а иногда и с силовой составляющей. Сербия, Украина, Таджикистан, Ливия. Синхронность событий на Ближнем Востоке подтверждает продолжающуюся экспансию системы, получившей название в работе А. Негри и М. Хардта «Империя».

«Империя» – последняя и наивысшая стадия капитализма, который принимает форму тотального, глобального, безграничного и вездесущего. Носитель труда в «Империи» не рабочий класс, а «множество». Капитал вместо политики использует контроль, изымая и присваивая продукт творчества «множества». «Империя» в постмодерне децентрирована, не имеет метрополий и колоний, но заведомо и изначально планетарна и универсальна. «Империя» не знает никаких границ, она общемировое явление, но тесно связана с США. США – генетическая матрица «Империи». Но в «Империи» Америка перерастает Америку. Весь мир становится глобальной Америкой. «Империя» не борется с «другими», ей не надо завоевывать или убеждать в чем-то субъектов экспансии, им надо просто продемонстрировать, что они уже внутри «Империи» (или они сами вдруг обнаружат это), ибо она самоочевидна, глобальна, актуальна, безальтернативна. Ее сети пронизывают общество, ее лучи сканируют население, ее передатчики планомерно и непрерывно ведут свое вещание. «Империя» уже здесь и сейчас. Не сегодня, так завтра.» [1, С. 56–62].

Вместе с тем, экспансия системы, именуемой «Империей» – это не злонамеренная политика в отношении только постсоветских государств с целью разрушения самих основ их существования, прежде всего – мировоззренческой основы, самой глубинной сущности народного ядра, ее национальной культуры и традиций. «Империя» осуществляет эту экспансию и в отношении всех других стран и народов, в т.ч. своих собственных. Она делает это в силу присущих ей внутренних свойств, она не может быть иной. И эти свойства, несущие разрушение традиционных ценностей народов других цивилизаций, отличных от западных, являются мировоззренческой матрицей «Империи». Производная этой матрицы – глобализация как вестернизация, которая навязывает всем, кто попадает под ее влияние, новые ценности, новую культуру, новое самосознание. Ученые называют эту экспансию «нового» диверсией в сфере ценностей. С. Карамурза приводит мнение известного антрополога Конрада Лоренца о жертвах такой диверсии «Во всех частях мира имеются миллионы юношей, которые потеряли веру в традиционные ценности предыдущих поколений; эти юноши стали беззащитными против внедрения в их сознание самых разных доктрин. Они чувствуют себя свободными, потому что отбросили отцовские традиции, но немислимым образом не замечают, что, воспринимая сфабрикованную доктрину, они отбрасывают не только традиции, но всякую свободу мысли и действия [2, С. 116].

В западных странах труд, работа как ценность, что веками было основой протестантской этики, уступает своё место удовольствиям, воздержание – неумемному потребительству, семейные ценности – однополым бракам. Все это насаждает «Империя» в странах постмодерна, что вместе с демонтажем других традиционных ценностей дает основание говорить о закате Европы, кризисе либеральной модели, других пессимистических прогнозах.

В постсоветских странах, прежде всего в России и Украине мировоззренческая проблема обострена до предела. Девяностые годы XX столетия – период криминального на-

копления капитала. Формирование капиталистических отношений радикально меняет мировоззрение людей. Вакуум после крушения коммунистической идеологии в считанные годы заполняется новой идеологией – идеологией обогащения, наживы, денег. Поле для гуманитарной экспансии «Империи» расчищено и она не заставила себя ждать. Сказанное Конрадом Лоренцом о крушении традиционных ценностей в полной мере относится и к постсоветским странам. Их демонтаж – уничтожение мировоззренческой матрицы, ибо они – основа созидательной силы народа, справедливо отличает С. Кара-Мурза [2, С. 117].

Чтобы иметь реальную возможность влиять на мировые процессы, быть в числе глобальных игроков, страна должна иметь необходимые средства – экономические, военные, природные, людские, дипломатические...

Имеются ли эти средства в России, Украине, других крупных странах постсоветского пространства?

Материальный фактор в жизни населения – производная экономики. Прежде всего по уровню развития экономики судят о геополитическом потенциале страны. Каков же он сегодня в Украине?

Потенциально – значителен, в реальности – низкий. Из развитых республик Союза Украина единственная не достигла уровня 1990 года. После провальных девяностых (потеря трех четвертей ВВП), самая нейтральная характеристика украинской экономики – волатильность, а говоря проще, значительная нестабильность. 2000–2004 год рост ВВП в пределах 5–12%, 2005 – падение с 12,5 до 2,5 процентов. 2009 год – наиболее глубокое падение экономики в новейшей истории Украины – 15,1%. Если мировая экономика к 2009 году по сравнению с 1990 годом составила 168%, при этом развивающиеся страны выросли на 284%, а страны СНГ – на 117%, то Украина вернулась на уровень 63% [3, С. 4–5]. И не выглядят злой иронией слова Гжегожа Колодко, польского ученого и политика, который прогнозирует для Украины возвращение экономики к уровню 1990 года к 2017 году столетия Великой Октябрьской революции [4, С. 76]. Экономика за годы независимости приобрела откровенно сырьевой характер, произошла существенная структурная корректировка. Эффективность ее (ВВП на единицу потребляемой энергии) в 2,5 раза ниже показателя Польши, в 3 раза США и Китая, в 4,5 раза Японии. Структурная деформация за годы «самостийности» усилилась. По сравнению с 1991 г. резко возросла доля материало- и энергоемких отраслей (горно-металлургической, топливно-энергетической, химической и нефтехимии) с 23% до 60%. Доля этих отраслей в украинском экспорте составляет более чем 60%, более 40% приходится на черную металлургию. Эта отрасль использует устаревшие технологии 150-летней давности – 50% стали выплавляется с использованием доменных печей. В ряде отраслей тенденция деиндустриализации обозначилась достаточно четко. Развитой в советское время военно-промышленный комплекс сохраняет некоторый уровень в большей степени благодаря кооперации с Россией.

Каковы же позиции в геополитике Российской Федерации? Экономический уровень 1990 года превзойден в 2008 году. Страна добывает 600млн.тонн нефти, триллионы кубических метров газа, являясь крупнейшим мировым экспортером энергоресурсов, уровень ВВП на душу населения по ППС – в 2,5 раза выше, чем в Украине, валютные запасы колеблются в пределах \$500млрд. Страна, хотя и уступает по многим позициям США, Китаю, Японии, остается достаточно авторитетным геополитическим игроком. Ядерная держава, член «G-8» и «G-20», входит в объединение БРИКС, объединяющем пять наиболее динамично развивающихся экономик. Внешне геополитические позиции выглядят вполне пристойно. Но только внешне. Ибо многие из бед, постигших в последние двадцать лет экономику Украины в полной мере присущи и РФ. Прежде всего, экономика.

За последние 20 лет и здесь она приняла откровенно сырьевой характер и главной опасностью эксперты называют «сырьевое проклятие», препятствующее нормальному развитию страны. Доля сырьевых товаров в экспорте за последние 10 лет выросла с 67% до 84%, в обрабатывающей промышленности уровень базового 1990 года так и не восстановлен, износ оборудования в машиностроении такой же как и в Украине – 70 и более процентов. Разрыв между богатыми и бедными в РФ еще более глубокий, поскольку «олигархат» жирует на спекуляции энергоресурсами. Десять наиболее богатых представителей бизнеса в 2010 году владели почти 14% ВВП всей страны. Их совокупные доходы составили \$185 млрд с приростом прибыли за год на \$46млрд. Число долларовых миллиардеров в стране увеличилось с 24 в 2004 году до 114 – в 2011 году.

Сходные проблемы в России и Украине не удивительны, поскольку эти вчера еще ведущие республики Союза входили в единый народно-хозяйственный комплекс и по многим направлениям тесно в нем взаимодействовали. Разрыв этих отношений обусловил многие потери в различных областях.

Но особенно тревожным является значительное отставание этих стран в использовании современных технологий – электроники, робототехники, био, информационных, нано и компьютерных технологий.

Все эти проблемы значительно ухудшают возможности России и Украины противостоять вызовам и рискам XXI столетия, обеспечивать стратегическую безопасность своих стран в условиях, когда международные отношения все чаще подвергаются неправовым деформациям. Право сильного, двойные стандарты, используемые рядом глобальных игроков, реально угрожают суверенитету тех стран, которые сегодня в силу ряда геополитических и геоэкономических причин не могут реально противодействовать давлению и скрытой экспансии «Империи».

Вместе с тем, геополитика, как и геоэкономика подчас рождают такие сценарии, которые вчера еще казались абсолютно нереальными. Глобальные процессы, развившиеся в последние 5-7 лет (мировой кризис, начало которому положил в 2008 году финансовый крах крупнейших международных институтов, оккупация и боевые действия Запада в отношении ряда нефтедобывающих стран, валютный кризис в странах ЕС) усилили геополитическую и геоэкономическую нестабильность в мире. Конечно же эти процессы вызревали десятилетия, но под влиянием убыстряющейся глобализации, они выходят из-под контроля мирового сообщества. Сегодня становится понятным, что при сохранении сложившейся в XX веке системе международных политических и экономических отношений, глобальные проблемы будут лишь углубляться, современное мироустройство будет еще более нестабильным. Мировое сообщество не находит адекватных мер для преодоления углубляющихся противоречий – политических, экономических, социальных... Это не под силу ни отдельным государствам, даже таким мощным как США, ни объединениям, как ЕС, ни международным институтам как ООН или МВФ.

В этой связи представляют интерес взгляды известного американского политолога З. Бжезинского, (скорее их эволюция), которые он озвучил в 2011 году, вначале на «Мировом Политическом Форуме» в Ярославле, а затем, в октябре – в Нормандии на вручении ему премии А. Токвиля. Интерес вполне оправдан, если учесть, что З. Бжезинский не только формулирует идеи, но оказывает немалое влияние на формирование международной политики США и ЕС. По словам политолога сегодня мир, социально и политически превратился в одно игровое поле, на котором преобладают три динамические реальности: глобализация, «интернетизация» и дерегуляция. Запад находится в упадке, мощь Востока растет. Финансовая сфера спекулятивна, инвестиции определяются меркантильным эгоизмом. Противостоять современным вызовам и рискам даже

мощному государству не по силам. Поэтому необходима эффективная политическая кооперация, которая может стать результатом широкого консенсуса в т.ч. на основе глобального базиса. Это освежит и придаст новое значение понятию «атлантическое сообщество». Далее, что самое удивительное, З. Бжезинский видит в этом сообществе, пусть через 2–3 десятилетия вместе с Украиной и Россию. Более того, политолог подчеркивает, что Россия сегодня открыта миру как никогда ранее. И чтобы стимулировать Россию к более близкому вовлечению в сферу влияния Запада, следует усилить политику подбадривания Украины к тесным связям с ЕС, что практически важно для общения России к «атлантическому сообществу» [5]. Это не просто эволюция взглядов известного ученого, а прямо таки противоположная позиции по поводу места России в геополитическом пространстве. Ведь хорошо известно, что З. Бжезинский обосновывал совсем недавно иные позиции в отношении этой страны – необходимость ее дезинтеграции, раздробление на малые страны в соответствии с испытанным в течение не одного столетия принципом «разделяй и властвуй». И вдруг такой поворот! Чем же вызвана такая трансформация? Многими причинами. Геополитически XXI век – век борьбы субъектов мирового хозяйства за ресурсы и рынки сбыта. Россия – мировая кладовая ресурсов и потенциально немалый рынок товаров и услуг. Возможность использования этого потенциала для Запада – вовлечь Россию в «атлантическое сообщество», ибо распад страны, расчленение ее по прежним западным лекалам привело бы к беспрецедентному хаосу с более отрицательными последствиями в т.ч. и для Запада, чем при распаде Союза. Далее, приглашение России к западному партнерству – попытка лишить ее геополитической самостоятельности, той роли, которую она призвана обрести в недалеком будущем как системообразующее ядро «Евразийского проекта», недавно озвученного В. Путиным. Симптоматично, что З. Бжезинский, выражая надежду на будущее растворение России в Западном сообществе, но понимая роль российского лидера для судеб России, замечает, что это не может случиться при президенте В. Путине [там же].

Другая причина озабоченности Запада в отношении России, как возможного в будущем субъекта объединенной Европы – изменение соотношения сил в мире не в пользу атлантического сообщества. Во-первых - феноменальный рывок Китая, превращающегося во вторую экономику мира; во-вторых – все более реальным становится проект БРИКС, что не может не беспокоить Запад, поскольку Китай, Индия, Бразилия, Россия, ЮАР уходят из под влияния «Империи»; в-третьих – не менее реален проект ЕЭП, потенциал которого достаточно велик, чтобы стать экономической основой ЕвроЗЭС – геополитического проекта для стран СНГ.

Что касается Украины, то она сегодня на раздорожье. Бесспорно, Запад нуждается в Украине. По З. Бжезинскому – как средство стимулирования Западного вектора в Российской политике – во-первых, в качестве объекта поглощения- во-вторых. В последнем качестве Украина будет использоваться объединенной Европой как рынок сбыта своей продукции, и как источник квалифицированной рабочей силы. Тактически, сегодня Украина интересна Западу как противовес России. Любые попытки сближения этих исторически близких стран – экономические, политические, культурные – вызывают не только резкое неприятие ЕС, но и бесцеремонное давление на руководство Украины. Можно только догадываться насколько сильно это давление, если посторанжевая администрация вопреки предвыборным лозунгам не перестает уверять еврочиновников о безальтернативности прозападного выбора Украины. Более того, нередко украинские политики (независимо от партийных цветов и предпочтений) говорят о цивилизационном выборе, имея ввиду возможность будущего присоединения Украины к ЕС. Тем самым, демонстрируя полное непонимание используемой терминологии. Понятие

«цивилизационный выбор» – абсолютный нонсенс со всех точек зрения. Выбор можно делать во многих сферах общественной жизни, но не в сфере духовной культуры народа, которая складывается веками и тысячелетиями. Национальная идентичность, выражаясь в традициях, обычаях, ментальности, составляет духовную матрицу народов мира, каждого – свою. Для России и Украины ценности восточно-славянской православной цивилизации, которая складывалась с конца первого тысячелетия н.э. – периода Крещения Руси, навсегда остаются духовно-нравственной основой двух народов, их цивилизационной идентичности.

Это хорошо понимают и на Западе, прежде всего в среде ученых, чьи исследования базируются на объективном анализе общественных закономерностей, а не сиюминутной политической конъюнктуре. Сэмюэль Хантингтон, солидаризируясь в известной работе «Столкновение цивилизаций» с Джоном Моррисоном, приводит мнение последнего о том, что «...российско-украинские отношения значат для Восточной Европы то же самое, что франко-немецкие для Западной. Точно также, как последние две страны образуют ядро Европейского Союза, первые две являются стержнем, необходимым для единства православного мира» [6].

На сегодня с прискорбием следует отметить: стратегическое партнерство, как показывает практика отношений России – Украины после 2010 года, не получило ожидаемого развития и объяснять это инерцией принятых в «оранжевый» период украинской администрацией решений совершенно неправомерно, ибо неоднократные заявления новой администрации Украины о европейском выборе недвусмысленно свидетельствуют – геополитический вектор страны на обозримую перспективу определен. Все попытки российского руководства как-то повлиять на изменение этого вектора – дипломатические, экономические, гуманитарные – успеха не имеют. Нередко эти попытки трактуются на Украине как силовое давление с использованием «газового» шантажа, что еще больше отдаляет эти страны друг от друга.

Закономерный вопрос, разве Россия не стремится к тому же, что и Запад – удержать Украину в сфере своего влияния?

Конечно же стремится. И не всегда находит для этого выверенные решения, что еще больше усложняет российско-украинские отношения. Главный вопрос, с какой целью Россия стремится удержать Украину в постсоветском интеграционном пространстве? Если быть объективным, надо признать, она не имеет никакого отношения к приписываемой ей либералами-западниками и национал-радикалами агрессивной попытке поглотить Украину, что невозможно в принципе, даже, если бы такое стремление существовало. Украина нужна России, как и Россия Украине для сложения производительного потенциала в широком смысле, что даст возможность получить синергетический эффект в осуществлении модернизационного проекта в этих странах.

Сегодня межгосударственные отношения ЕС – Украина, Россия – Украина, ЕС – Россия сконцентрированы в дилемме: Зона свободной торговли Евросоюза (ЗСТ ЕС) – Таможенный Союз Белоруссия, Казахстан, Россия (ТС).

Какие преимущества получает Украина при вступлении в ЗСТ ЕС, кроме призрачной перспективы некогда стать членом Евросоюза? Ни в одной публикации на эту тему никаких конкретных цифр не приводится, поэтому стремление Украинского руководства примкнуть к ЗСТ ЕС по мнению многих экспертов – чисто политическое. Кроме того, сам термин «зона свободной торговли» таит в себе лукавство. Он не означает свободного доступа на свои рынки членом ЗСТ. Существует значительный список изъятий и ограничений, под которые попадает в Европе Украина. А если учесть низкую конкурентоспособность многих товарных групп украинского производства, результат нетрудно предсказать.

«Европейцы осознанно и целенаправленно подталкивают Украину к неоправданным уступкам в виде заключения несбалансированного соглашения о ЗСТ. В этом документе изначально закладываются «убийственные» для стратегических отраслей украинской экономики положения. В свою очередь Брюссель не скрывает, что заинтересован вобрать в себя только те сегменты украинской экономики, которые будут укреплять экономическую мощь Евросоюза. На первом месте здесь стоят поставки сырьевых ресурсов и украинские рынки сбыта для продукции европейских производителей» [7, С. F2].

Что касается ТС, то выгода Украины в случае вхождения в него измеряется суммой в \$6–9 млрд. Но в межгосударственных отношениях эффект определяется не только в долларах или евро, особенно когда речь идет о государствах, которые столетия были единой страной с близким языком, культурой, ментальностью. Конечно же, эти ценности для рынка цены не имеют. Поэтому \$6–9 млрд для Украины – это сумма весьма существенна – плюс 4–6% ВВП ежегодно. Но главное, игнорирование ТС вместо плюса дает значительный минус. ТС вводит защитные меры от товаров третьих стран. Это означает, что Украина не сможет продавать свои товары на российском рынке, ибо ТС вводит высокие таможенные тарифы, антидемпинговые меры и т.п. в отношении не членов союза.

Приведем один пример. По подсчетам экспертов, только защитные меры ТС в отношении украинской трубной продукции могут обойтись Украине до 5 млрд долларов прямых и косвенных (например, за счет снижения грузооборота и убытков для транспортников) потерь в год.

В частности, бывший советник по экономическим вопросам первого и второго президентов Украины Олег Соскин в комментарии для агентства «Новый регион» заявил: «Ограничение экспорта украинских труб – очень негативный симптом для экономики. Удар по этой отрасли, основной объем которой поставлялся в РФ, будет колоссальным. Реально это миллиарды долларов потерь. А точнее уже до конца года мы потеряем 2–3 млрд. долларов». «Это удар России по Ахметову и Пинчуку, затем по перевозчикам, транспорту. И по всей экономике – это не менее 4–5 млрд. долларов ежегодно» [8, С. A7].

Поскольку вступление в ЗСТЕС широко открывает рынок Украины для стран Евросоюза, отечественный бизнес понесет значительные потери, ибо, его продукция станет не конкурентоспособной, а реализовать свои товары в странах ТС будет нельзя. Этого не могут не понимать в Украине.

Потому в правительстве, администрации президента ищут возможности как-то смягчить ситуацию. Россиянам предложена формула 3+1. Неприкрытый смысл этой формулы – получить преимущества и преференции, которыми пользуются члены ТС, не вступая в него, т.е. не беря на себя их обязательств. Как свидетельствуют СМИ, руководство стран ТС весьма прохладно приняло инициативу украинцев. Непонимание между «стратегическими» партнерами усиливается. В том числе стремлением правительства Украины принудить Россию снизить цену на газ, т.е. пересмотреть контракт, подписанный «оранжевым» премьером. Россияне не против, но требуют компенсаций, на которые Украина идти не готова. Все это, бесспорно, усиливает напряженность между двумя странами, несмотря на дружественную риторику, к которой прибегают их руководители при личных встречах.

В этих условиях остается пока без ответа вопрос, имеющий историческое значение: возможен ли экономический и модернизационный альянс России и Украины. Его ставит в своей пространной статье Т. Гузенкова, руководитель Центра исследований стран СНГ и Балтии, Российского института стратегических исследований [9, С. B3]. Это достаточно интересное исследование базируется на материалах экспертных оценок

украинских и российских специалистов – (экономистов, бизнесменов, представителей администрации разных уровней – по 15 человек с каждой стороны) в отношении возможностей и готовности модернизационного альянса. В результате опроса автор материала приходит к однозначно пессимистическому выводу – сегодня ни возможностей, ни готовности к этому у сторон нет. Причем, эксперты продемонстрировали разные типы сознания и осознания. В ответах украинских экспертов, отмечается в статье, проявилась противоречивость, пессимизм, амбивалентность, депрессивный элемент. У российских к проблемам – более спокойное отношение, (прямолинейность, оптимизм), но и примитивные представления. В результате автор делает весьма неоптимистические выводы «Украинцам и россиянам не хватает реалистического взгляда на будущее и те испытания, которые предстоят человечеству уже в недалекой перспективе. А что касается Украины, то она пока так и не стала «европейской державой», но при этом настолько далеко дистанцировалась от России, что здесь уже и не рассчитывают на тесное сближение и особую инициативу правящего класса Украины в деле построения модернизационного альянса [там же].

В результате такое отчуждение, делает еще один вывод автор цитируемого материала, способно только умножить техническую отсталость и социальную депрессию обеих стран. Может эта перспектива, ее осознание и станут поворотным моментом к возрождению интеграционной составляющей отношений на постсоветском пространстве?

Какие общественные круги заинтересованы в отчуждении некогда двух, подлинно братских народов? В России их назвать трудно, ибо там идея славянской солидарности и не исчезала. В Украине это политическая элита и крупный бизнес, стремящийся получить признание своей «европейскости» в глазах западной общественности, интеллектуалы-западники, национал-радикалы... То есть, это та тонкая прослойка общества из тех, кто выиграл и выигрывает от такого отчуждения двух стран – материально и статусно.

Но законы экономики и рынка неумолимы. Как только станет ясно большей части электората, что отчуждение славянских постсоветских стран и народов ведет к неумолимой деградации, вынуждены будут протрезветь и политическая элита, и бизнес, и интеллектуалы-западники в России и Украине. И тогда евроинтеграционные устремления перестанут подменять национальную идею, наступит зрелость государств и сформируется способность к прагматическому курсу.

Сколько времени понадобится, чтобы осознать трагичность сегодняшнего отчуждения, сказать сложно. Но если судить по скорости возрастающего отставания России и Украины от развитых стран, подрывающего их возможности противостоять вызовам XXI века, далеким оно не будет.

Список литературы: 1. А. Дугин. «Геополитика постмодерна». «Амфора», М., 2007 2. С. Кара-Мурза. Матрица «Россия». ЭКСМО «Алгоритм», М., 2010 3. В. Мунтиян. Для Украины стратегически выгодно вступить в ТС. – Газета «2000». – 15.04.2011. 4. Гжегож Колодко. Мир в движении. «Магистраль», М., 2009 5. <http://csis.org/publication/zbigniew-brzezinskis-de-tocqueville-prize-speech>. 6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // «Полис», – 1994. – № 1. www.nbuv.gov.ua/polit/93hssc.htm. 7. С. Жильцов. Политические процессы в Украине и вызовы для России. Ежедневник «2000». – 5.08.2011. 8. Путин дает ответ на формулу «3+1». Ежедневник «2000». – 5.08.2011. 9. Т. Гузенкова. «Толкать в спину» и ждать чудес. Возможен ли модернизационный альянс России и Украины? Ежедневник «2000». – 10.06.2011.